

Воейков А. Ф. Разбор поэмы "Руслан и Людмила", сочин. Александра Пушкина // Пушкин в прижизненной критике, 1820--1827 / Пушкинская комиссия Российской академии наук; Государственный пушкинский театральный центр в Санкт-Петербурге. -- СПб: Государственный пушкинский театральный центр, 1996. -- С. 36--68.

<http://next.feb-web.ru/feb/pushkin/critics/vpk/vpk-0362.htm>

А. Ф. ВОЕЙКОВ

Разбор поэмы "Руслан и Людмила", сочин. Александра Пушкина*

Происшествие, здесь воспеваемое, почерпнуто из старинных русских сказок. Они все, сколько до сих пор известно, писаны прозою; наш молодой поэт поступил очень хорошо, написав сию богатырскую поэму стихами, и предпочел идти по следам Ариоста и Виланда, а не Флориана. Хорошие судии, истинные знатоки изящного не одобряют такого рода творений в прозе. Они не знают до сих пор, как назвать их; ибо прозаическая поэма есть противоречие в словах, чудовищное произведение в искусстве; они также не называют их романами, ибо величественный ход и возвышенный язык эпopeи не допускает в сии странного рода сочинения ни простоты подробностей, ни описания простонародных обычаев и обыкновенных страстей, составляющих достоинство хороших романов. Из всего этого следует, что стихотворение, нами рассматриваемое, по всей справедливости названо *поэмою*¹. Оно заключает в себе описание героического подвига, движется пружинами сверхъестественными, разделено на песни и написано свежими, яркими красками.

Однако поэма "Руслан и Людмила" не эпическая, не описательная и не дидактическая. Какая же она? *Богатырская*: в ней описываются богатыри Владимировы, и основание ее почерпнуто из старинных русских сказок; *волшебная*, ибо в ней действуют волшебники; *шуточная*, что доказывается следующими многочисленными из нее выписками:

И, щипля ус от нетерпенья.
В пирах никем не побежденный,
Но воин скромный средь мечей.
Бояре, задремав от меду,
С поклоном убрались домой.
И, важно подбочась, Фарлаф,
Надувшись, ехал за Русланом.
Едва не пляшет над седлом.
То дразнишь бегуна лихого.
Мое седое божество
Ко мне пылало сильной страстью.
Изменник! изверг! о, позор!
Но трепещи, девичий вор!
Но робкий всадник вверх ногами
Свалился тяжело в грязный ров.
Те, кои, правду возлюбя,
На темном сердца дне читали,
Конечно, знают про себя,
Что если женщина в печали
Сквозь слез, украдкой, как-нибудь,
Назло привычке и рассудку,
Забудет в зеркало взглянуть,
То грустно ей уж не на шутку.
Арапов длинный ряд идет

.....
И на подушках осторожно
Седую бороду несет;
И входит с важностью за нею
Горбатый карлик из дверей;
Его-то голове обритой